

XIV. Колонизация.

Колонизация – этот ублюдок патриотизма и торгашеского духа, этот вооруженный разбой правящих классов, – получила в наше время такое развитие, что нам неизбежно приходится посвятить ей отдельную главу.

Если какой-нибудь частный человек заберется в квартиру соседа, разобьет все, что попадется ему под руку и возьмет все, что захочется взять, его назовут преступником и «общество» его осудит. Но если какое-нибудь правительство станет в такое положение, что для его внутренней политики необходимо найти внешнее отвлечение, если у него в стране слишком много незанятых рабочих рук, от которых оно не знает как избавиться, и товаров, которые оно не знает куда сбыть, то оно может безнаказанно начать войну с какими-нибудь далекими племенами, слишком слабыми, чтобы ему сопротивляться; оно может завладеть их страной, эксплуатировать их, навязывать им свои товары, а в случае, если они попытаются стряхнуть с себя гнет этой эксплуатации – может безжалостно истребить их. Все это будет считаться вполне нравственным. Раз только эта операция производится в крупных размерах, все честные люди должны вполне ее одобрять; это уже не будет ни грабежом, ни убийством, потому что для прикрытия бесчестных поступков, когда их совершает все общество в целом, существует вполне приличное название: это называется «цивилизовать» отсталые человеческие племена!

Мы нисколько не преувеличиваем. Какой-нибудь народ считается способным к колонизации тогда, когда ему удалось выжать из данной страны все то количество продуктов, которое она может дать; так Англия – страна колонизаторская, потому что она умеет выжать из колоний все, что нужно для обеспечения благосостояния отправляющихся туда англичан и, кроме того, умеет обогащать казну собираемыми с этих колоний налогами. В Индии, например, англичане наживают громадные состояния; правда, страна опустошается от времени до времени страшным голодом, уносящим сотни тысяч людей, но какое англичанину дело до этих подробностей, раз он может сбывать свои товары и получать такие доходы, которых Великобритания ему дать не в состоянии? Это называется благами цивилизации.

Иначе обстоит дело во Франции: французы – плохие колонизаторы. Не думайте, однако, что они меньше грабят и эксплуатируют местное население, нисколько: они просто не так *практичны*. Вместо того, чтобы изучать жизнь завоеванных народов, они отдают их в распоряжение военной власти и сразу заставляют подчиниться строю, господствующему в метрополии. Если же население не может приспособиться к этому, тем хуже для него: что за беда, если даже оно и будет понемногу вымирать под давлением непривычных для него учреждений? А если оно будет сопротивляться, на него устроят охоту, как на диких зверей; грабежи станут тогда не только дозволенным, но и выгодным делом, и получают название *набегов*.

На беззащитное население натравляют солдат, в которых тщательно развивают зверские инстинкты и которые поэтому позволяют себе проделывать все, на что только способен разъяренный зверь: насилуют женщин, убивают детей, жгут целые деревни, разгоняют жителей, которые, чтобы спастись, убегают куда-нибудь в пустыню и там неизбежно мрут от голода. И все это считается вполне естественным и дозволительным: это цивилизованный народ насаждает таким образом культуру у дикарей!

Но если мы внимательно присмотримся к тому, что происходит вокруг нас, то это несколько не покажется нам ни удивительным, ни ненормальным: при существующем общественном строе, подобные «подвиги» непременно должны пользоваться полным одобрением и поощрением буржуазного мира. Для буржуазии это разбойничество очень выгодно: оно служит ей предлогом для содержания постоянных армий и вместе с тем дает офицерам возможность упражняться в убийстве и набивать себе руку для будущей более серьезной «работы»; сама же эта армия является пристанищем для целой массы глупых и никуда негодных людей, которых бы иначе буржуазия не знала куда девать и которые теперь становятся, за несколько аршин погонов, самыми ярыми её защитниками. Вместе с тем, завоевания создают очень благоприятные условия для всевозможных сомнительных финансовых операций, которые имеют целью выкачивание денег у всяких доверчивых людей, только и ищущих подобного рода предприятий; они дают возможность захватить земли побежденных, а кстати, благодаря тем массовым убийствам, которые с ними сопряжены, избавляют буржуазию от мешающего ей дома излишка рабочих. Мало того: завоеванной стране «нужна» администрация, а это дает места целой армии карьеристов и паразитов бюджета, которая иначе могла бы оказаться стеснительной. И при всем том, буржуазия получает в свое распоряжение целые племена, которые она может эксплуатировать, принуждать работать на себя, заставлять приобретать свои продукты, даже истреблять, не отдавая в этом никому отчета. Понятно, что, в виду таких выгод, колебаться не приходится; французская буржуазия отлично поняла это и с увлечением кинулась в колониальные предприятия.

Но что, в самом деле, удивительно и возмутительно, так это то, что находятся еще рабочие, которые одобряют подобные преступления и без всяких угрызений совести содействуют им, совершенно не понимая, какая явная несправедливость заключается в том, чтобы истреблять целое население в его собственной стране ради подчинения его чуждому ему строю жизни. Мы заранее знаем все то, что нам ответят, что отвечают обыкновенно, если кто-нибудь начнет возмущаться каким-нибудь особенно бьющим в глаза фактом: «Они возмутились, стали убивать наших – не можем же мы этого стерпеть. ... Это – дикари, их нужно цивилизовать.... Этого требуют интересы торговли... Может быть, мы и действительно напрасно затеяли это дело, но колонии теперь уже стоили нам так много и людей, и денег, что мы не можем отказаться от них, и т. д., и т. д.»

«Они возмутились, стали убивать наших» – ну так что же? Зачем было идти к ним? Почему не оставили их в покое? Разве они нас просили о чем-нибудь? Им хотят навязать законы, которые им не нравятся – они возмущаются и отлично делают, а если при этом в борьбе погибают люди, то что же делать? им не следовало содействовать подобным предприятиям.

«Это – дикари, их нужно цивилизовать»; но просмотрите историю всех завоеваний и скажите, кто оказывался всегда большим дикарем: тот-ли, кого так называют, или «цивилизованный» человек? Кого следовало бы больше цивилизовать: завоевателей, или безобидных туземцев, которые, по большей части, встречали новых пришельцев с распростертыми объятиями и которых, в награду за это, мучили и истребляли? Просмотрите историю завоевания Америки испанцами, Индии – англичанами, Африки, Кокхинхины и Тонкина – французами, и вы увидите, стоит ли прославлять такую цивилизацию. А в истории рассказываются только крупные факты, оставившие в ней следы по своей важности; что же было бы, если бы перед вами нарисовали картину всех мелочей, проходящих незаметными, всех гнусных подробностей, которые, вообще, тонут в массе более важных событий? Вы тогда, наверное, отвернулись бы с отвращением.

Мне пришлось некоторое время прослужить в морской пехоте, и я много раз слышал различные рассказы, из которых ясно видно, что, являясь в завоеванную страну, солдат считает себя полным хозяином её. Местное население для него не более, как вьючный скот, которым он может управлять, как хочет, у которого может отнимать все, что ему вздумается; горе тому туземцу, который попробует сопротивляться: он быстро узнает, что здесь нет другого закона, кроме грубой силы; учреждения, которые служат для защиты собственности в Европе, не действуют под иным градусом широты. Солдата поощряют в этом и офицеры, сами подающие ему пример, и администрация, делающая из него надсмотрщика за туземцами, которых она заставляет работать. Вам рассказывают о самых возмутительных поступках, как о совершенно естественных, и если вы скажете – по поводу, например, того, что туземцы восстали и начали убивать своих притеснителей – что они вполне правы, то вас встретят возгласами удивления: «Как! ведь мы – хозяева в стране, должны же они нам повиноваться! Ведь если их оставить так, они все взбунтуются и прогонят нас, и после всех принесенных жертв – и людей, и денег – Франция потеряет страну и останется без колоний!»

Вот до чего доводит умы рабочих действие оупляющей военной дисциплины: они сами терпят ту же несправедливость, тот же гнет, который с их помощью ложится на других, и тем не менее не понимают всей возмутительности своей роли; они становятся бессознательными орудиями угнетения, и не только не отдают себе отчета в низости и глупости своего положения, но даже гордятся им.

Что же касается интересов торговли, то здесь именно корень всего остального: господа капиталисты не знают, куда сбыть свои товары, и не могут придумать, ничего лучшего, как только объявить войну каким-нибудь несчастным народам, не могущим защищаться, и навязать им затем свои продукты. Правда, легко было бы сговориться с ними и устроить меновую торговлю; для этого даже не требуется особенно хорошо знать ценность предметов: эти народы ценят, главным образом, то, что кажется им красивым, так что их не трудно обмануть и получить большие барыши. Разве не так именно и поступали европейцы, прежде чем им удалось проникнуть вглубь африканского материка, в то время, когда они устанавливали сношения с племенами, жившими дальше вглубь страны, через посредство прибрежных племен? Уже тогда из Африки получались все те продукты, которые она дает теперь.

Все это, конечно, возможно и все это так и было, но дело в том, что для этого нужно время, нужно терпение, а кроме того при такой системе нельзя вести торговлю в особенно крупных размерах и приходится считаться с конкуренцией. «Торговля требует поддержки!» говорят нам, и мы знаем, что это значит: тотчас же посылают два или три броненосца, дюжину канонерских лодок, корпус солдат, и – преклоняйтесь господа! – цивилизация начинает делать свое дело. Мы находим крепкое и здоровое население, а через сорок-пятьдесят лет оно является в виде истощенного, забитого, несчастного, наполовину истребленного, развращенного человеческого стада, которому остается лишь очень недолго просуществовать на земле; цивилизаторская миссия может тогда считаться исполненной.

Если кто-нибудь усомнится в справедливости сказанного, пусть возьмет любое описание стран, покоренных европейцами: он увидит, что повсюду местное население убывает и исчезает, повсюду алкоголизм, сифилис и другие европейские изобретения быстро косят туземцев, а остающихся в живых ослабляют и истощают. Да и может ли быть иначе? При тех средствах, к которым прибегают европейцы, конечно, нет. Эти племена жили совершенно иной жизнью, чем мы, с иными наклонностями, с иными потребностями; вместо того, чтобы изучить эти наклонности и потребности, вместо того, чтобы приобщать их к нашей цивилизации незаметно и постепенно, предоставляя им брать из неё только то, что они могут усвоить, их хотели подчинить вдруг, сломить сразу, – и они не только оказались неспособными к этому, но самый опыт оказался для них губительным. А как прекрасна могла бы быть роль так называемого цивилизованного человека, если бы только он сумел ее понять и если бы его собственную жизнь не разъедали язвы правительственной власти и торгашества – язвы, от которых он должен избавиться сам, прежде чем начать цивилизовать других.

Отсталые племена могли бы воспринимать цивилизацию мирным путем, могли бы даже внести в нее новые оживляющие элементы. Нам может быть возразят, что дикари лживы и жестоки, но стоит только прочитать рассказы тех действительно смелых людей, которые отправились, ради одной только любви к науке и жажды знания, в среду совершенно неизвестных им племен – и мы увидим, правда ли это. Эти люди сумели приобрести в них друзей, могли путешествовать среди них совершенно безопасно; лживость и жестокость явились уже под влиянием тех якобы-путешественников, которые в действительности ищут только выгодных торговых или политических операций; именно они вызвали вражду к белым со стороны туземцев, потому что постоянно обманывали их в торговле, не исполняли своих обещаний, а иногда и просто истребляли их, если только это можно было сделать безнаказанно.

Пусть уж лучше торгаши-филантропы и солдаты-цивилизаторы оставят при себе свои хвalebные речи о благах цивилизации. То, что они прикрывают названием колонизации, очень точно определяется в их же своде законов как «вооружённый разбой», т. е. род поступков, совершаемых кучкой неизвестных личностей. Цивилизация же не имеет ничего общего с разбоем на большой дороге.

Правящему классу нужны новые народы, новые рынки, которые можно было бы эксплуатировать, и вот для этого-то он и посылает разных Солелье, Брацца, Брэмпелей, Тривье и др. на поиски за новыми землями, для устройства там торговых агентств и для

безграничного хищничества. Прежде всего начинается эксплуатация торговая, которая, по мере расширения поля европейского протектората, распространяется и на все другие области; буржуазии нужны главным образом огромные пространства, которые она могла бы постепенно захватывать, истребив так или иначе их население, и в которых нашлось бы достаточно места для стесняющего ее избытка европейского населения.

И вы считаете себя цивилизаторами! Что вы сделали с теми племенами, которые населяли Америку и которые теперь с каждым днем исчезают, потому что вы изменническим образом нарушаете данное слово и мало-помалу отнимаете у них те охотничьи территории, которые вам раньше пришлось признать их собственностью? Что вы сделали с населением Полинезии, которое, по словам всех путешественников, было прежде крепким и здоровым, а теперь под вашим владычеством, постепенно вымирает?

Вы считаете себя цивилизаторами! Но ваша цивилизация такова, что если бы борющиеся с вами рабочие оказались побежденными, вы скоро выродились бы от лени и бездеятельности, подобно тому как выродились греческая и римская цивилизации, когда достигли высшей точки развития роскоши и эксплуатации; они потеряли тогда всякую способность к борьбе и вообще к чему бы то ни было, кроме наслаждений, и исчезли гораздо больше благодаря своей собственной внутренней слабости, чем благодаря победе варваров. Варвары находились тогда сами в полном расцвете сил и им уже нетрудно было разрушить эти гнилые цивилизации.

Вы решили истребить те расы, которые вы считаете низшими, но которые, как мы покажем дальше, представляют собой просто расы отсталые; вы стремитесь уничтожить и рабочий класс, который тоже считаете низшим. С каждым днем вы все больше и больше стараетесь устранить рабочего и заменить его машиной. Если бы вы восторжествовали, развитию человечества пришел бы конец, потому что вы мало-помалу потеряли бы все способности, выработанные в вас борьбой, и спустились бы на ступень самых отдаленных наших предков; у человечества тогда скоро не стало бы другого общественного идеала, кроме ряда желудков, командующих армией машин, да управляющих этими машинами автоматов, только по названию могущих считаться людьми.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:14:17

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 17:14:30